

— А? — Лу Синъян только и выдавил, глядя на него так, будто услышал приговор.

Внутри всё ещё горело, губы пульсировали сладким остатком, сердце било так, что хотелось зажать грудь руками — а этот гад уже стоял чуть в стороне и выносил вердикт: «Не зацепило».

Серьёзно? Или издевается?

Лу Синъян замер, но через секунду злость прорвалась наружу. Он резко вскочил:

— Меня тоже не зацепило!

Он дёрнулся вперёд так резко, что едва не врезался в Цзян Цзи. Они замерли лбами почти впритык — глаза встретились, обоих трясло, но в этих взглядах не было равной злости.

Лу Синъян готов был сцепиться, если бы не одно «но»: глаза его блестели так, что стоило моргнуть — и он бы разревелся.

Цзян Цзи знал это давно: Лу Синъян — хищник только по вывеске. Стоило ткнуть — и он сыпался сам. Вот и сейчас: «гроза всех» развалился на куски без боя.

— У тебя тоже «нет эффекта»? — спокойно напомнил Цзян Цзи. — Ты же говорил, что любишь меня?

Лу Синъян чуть не подавился своей ложью:

— Я... я хотел сказать, что...

Мозг бился, гордость скулила где-то в углу. Лу Синъян сглотнул и выдохнул через зубы:

— Я просто... завёлся слишком быстро! Ты быстро кончил... то есть закончил! Я ничего не понял! Давай ещё раз! — Он вцепился в его руку.

— Не надо, — тихо сказал Цзян Цзи, выдернул руку и отступил. — Мы проверили. Если не зацепило — значит, не зацепило. Иди отдыхай.

Он сделал пару шагов к двери, задержался в проёме. Хотел ещё что-то бросить вдогонку — оставить крючок, на который Лу Синъян повис бы ещё сильнее. Но обернулся — и увидел, как тот стоит: почти плачет, но не падает, держится, будто на хрупких стеклянных ногах.

Ну и что с ним делать? Цзян Цзи убрал крючок обратно. Сегодня не та ночь.

Лу Синъян лез бодаться — смешно и жалко. Идиот, но с амбициями танка. Приходит каждый раз за новой порцией унижения — и в итоге униженным почему-то остаётся он сам, Цзян Цзи.

Будто наёмный палач, который после каждой казни идёт каяться. Так нельзя. Он же всё-таки брат.

Он подумал: ладно, дам шанс. Если Лу Синъян одумается — сегодня всё спишем.

Но этот редкий проблеск мягкости зря потратился.

Потому что кто-то тут уже поклялся простить всё это только через его труп.

— Я ненавижу его! — Лу Синъян орал в телефон среди ночи, в два часа утра. — Ты вообще понимаешь, как мне хреново?! Этот псих меня ртом изнасиловал! У меня голова кругом, спать не могу —

На том конце Сун Чэн уже тоже не спал — потому что всё это вопилось ему прямо в ухо:

— Да пошёл ты, Лу Синъян! Может, хватит мне в три ночи звонить и рассказывать, как ты целуешься с мужиком?!

Лу Синъян не сдавался:

— Ты же мой лучший братан! Ты должен поддержать меня, посочувствовать! Помоги придумать, как его добить!

Сун Чэн закрыл глаза:

— Отпусти меня, пожалуйста.

— Это он меня не отпускает! — Лу Синъян едва не рванулся на стену. — Я думал, все эти дни стараний хоть чего-то стоят! Думал — согласится! А он опять вертит мной, как хочет. Поцеловал — и выдал: «Не зацепило». Гениально!

— Ты вообще нормальный? — Сун Чэн выдохнул в трубку. — Ты же натурал! Чего ты тогда так просто целуешься?

Лу Синъян фыркнул и заявил почти гордо:

— Это стратегия! Жертва без жертвы не ловится. Надо рисковать. И вообще... Как он так целуется, а? Я до сих пор не понимаю! Я ж натурал — но ты сам понял.

— Не понял.

— Да понял! У тебя же есть девушка! Ты что, никогда с ней не целовался?

Сун Чэн тяжело вздохнул:

— ...

— Ну вот! Так и я. Даже если целует не «твоя» — если целует так, что башка отключается — это чистая физиология! Тело само реагирует. Я тут при чём?

— Ага, ага... — Сун Чэн уже всерьёз пожалел, что взял трубку. — Только я реагирую на женщин. А твой — мужик.

Лу Синъян фыркнул ещё громче:

— Это ты просто не видел моего брата. Он за пояс всех твоих красоток заткнёт — факт.

— Ты слышишь, что ты несёшь? — простонал Сун Чэн.

— Я говорю, что Цзян Цзи умеет так всё подать, что ты реально веришь: он невероятно притягателен. Но я-то его знаю! Десять лет рядом — меня он не обманет!

— Ну и славно, — Сун Чэн уже мысленно уползал спать.

— Да не славно! — Лу Синъян тут же поднял тон. — Ты думаешь, я это всё по доброй воле? Я в этот чёртов план столько сил вбухал, что теперь только вперёд! Всё — или ничего! Назад дороги нет!

Сун Чэн на том конце уже кивал носом — каждое слово Лу Синъяна било по барабанным перепонкам, как затяжной кошмар.

А Лу Синъян гнал дальше, будто сам с собой:

— Да плевать, что я несчастный. Надо держаться. Хочешь наверх — глотаешь всё дерьмо, какое есть. Терпишь, рвёшься зубами, а потом... потом всё переворачиваешь.

— Ну и?.. — пробормотал Сун Чэн, уже не открывая глаз.

— Ну и я думаю: может, это у меня техника поцелуя хреновая? Вот он и сказал — «не цепляет»!

Сун Чэн просто сбросил звонок. Без слов и сожалений.

Если бы Сун Чэн мог, он бы заказал всем богам скопом, чтобы Лу Синъян и Цзян Цзи наконец поженились, наплодили ещё дюжину таких же и больше никогда не выходили из дома, мучая нормальных людей.

Лу Синъян, которого только что «отшили» трубкой, понятия не имел, как сильно все вокруг топят за его великий план «завоюю и унижу». Глубокой ночью, не зная, куда девать яд и обиду, он полез в соцсети — вылить душу.

Но у него с Цзян Цзи сейчас какая-то полусырая возня, так что писать в лоб нельзя — вдруг прочитает. Хотя и так не прочитает. Но мало ли. Короче, текст должен орать: «Я не сдаюсь! Я охочусь!» — но при этом быть изящным.

Лу Синъян стучал по клавиатуре, стирал. Печатал снова — снова в корзину.

Минут через тридцать он выжал из себя реплику, которая показалась ему гениальной:

«Проснулся среди ночи в холодном поту — ты снился.»

Прицепил к этому «шедевр» фото стакана с водой на тумбочке — авось Цзян Цзи заметит и вспомнит тот самый подстаканник из чайной. Шпионский намёк для посвящённых.

В мессенджере народ уже кишел, как тараканы на кухне: однокурсники, родня, геймеры и целый «фан-клуб по ловле Цзян Цзи».

Праздники же — не прошло и десяти минут, как сонные совы понеслись лайкать.

Кто-то написал: «Кого там намечтал-то?»

Другой подлил масла: «А я тебя во сне видел! Точнее, твоего братишку! Вот совпадение, ха-ха!»

Совпадение? Серьёзно? Этот клоун реально думает, что у него чувство юмора?

Не моргнув глазом, Лу Синъянь швырнул остряка в бан. Остатки сонливости улетучились вместе с этим «остроумием».

Конечно же, всю злость он снова списал на Цзян Цзи. Сидел и вспоминал, как тот после поцелуя выдал своё ледяное «ну всё, иди лесом» — и сердце сжималось, как мокрая тряпка.

На рассвете Лу Синъянь кое-как отрубился.

А в это время Цзян Цзи уже был на ногах. Первый день праздников — и Цзян Вань выудила из него обещание таскать за ней пакеты по бутикам.

Цзян Цзи обычно был занят по горло и на родню времени почти не оставлял, но если уж Цзян Вань что-то просила — отказа не существовало. Принцип железный.

Позавтракав, Вань одновременно красила ресницы и прокладывала маршрут шопинга: платье, сумочка, пара обуви — и заодно пообедать за счёт «щедрого генерального».

Цзян Цзи молча кивал на всё, как китайский болванчик, сидел на диване и ждал, пока Вань дорисует себе красоту. Ждал уже полчаса — прогресса ноль.

— Ты уже занял? — Вань поймала его взгляд в зеркале и фыркнула. — Ты же не будешь пыхтеть, если твоя девушка три часа будет краситься перед свиданием?

Намёк был неслучайный, но Цзян Цзи только усмехнулся:

— Поживём — увидим.

— Вечно у тебя всё «потом, потом»... — Вань театрально вздохнула. — Я ж тебя не гоню в загс! Хочешь — женись, не хочешь — не женись, мне всё равно. Но хоть надежда-то должна быть, да?

Цзян Цзи промолчал. После того как её жизнь снова выровнялась (да здравствует вторая молодость!), Вань сама расцвела и теперь не упускала шанса подковырнуть его там, где потоньше.

— Ты у нас что — слишком занят или планка до небес? Сколько лет один шастаешь? Принцессу из сказки ждёшь?

— Не нашёл подходящей, — коротко отбился Цзян Цзи.

Вань пожала плечами и тут же сменила мишень:

— И этот наш Лу Синъянь — та же история. Два красавца под одной крышей, а ни одной девушки не видели.

Цзян Цзи сглотнул, но виду не подал.

Если бы она знала, что эти два «красавца» вчера ночью «шептались» за поцелуями... Интересно, что бы она тогда сказала?

Чувство вины обожгло его ещё сильнее, и Цзян Цзи стойко делал вид, что не слышит, когда Вань пыталась выведать хоть что-то о личной жизни Лу Синъяня.

Ну, честно говоря, он и сам о ней почти ничего не знал. Не то чтобы там был какой-то бурный

фронт: учёба — есть, бесконечные приколы — есть, стримы, редкие тусовки — тоже. Вот только если уж допрашивать, стоило бы спросить: сколько часов в сутки этот тип просаживает в соцсетях?

С десяти утра и до самого вечера Цзян Цзи честно отрабатывал роль личного шоппера и ходячей тележки для Цзян Ваньши. На ужин Ваньши с Лу Юном смылись без него — старший брат не нужен — так что он сам донёс гору обновок до комнаты госпожи и поплёлся переодеваться.

Вообще-то собирался поехать где-то по дороге, но вовремя вспомнил: дома-то ещё остался один «товарищ». Если его оставить одного — стопроцентно наутро появится очередной пассивно-агрессивный пост: мол, снова все слились, никто не видит бедного Лу Синъяня.

Такое тот устраивал уже не раз — мастер мелких обид.

Цзян Цзи скинул пакеты, направился в свою комнату, но не успел дотянуться до ручки — рядом шмыгнул Лу Синъянь. Вынырнул так внезапно, будто полвечера караулил за углом.

— О-о-о! Ты дома! — засиял он так, будто выиграл лотерею.

— Угу. Ты чего это? — Цзян Цзи окинул его взглядом сверху вниз.

На улицу Лу Синъянь не выходит, зато дома щеголяет, как на показе мод. Волосы зализаны, рубашка сидит идеально. Цзян Цзи скользнул взглядом по челюсти — и заметил губу. Прикушена, кровь подсохла. Остановил взгляд.

— Сам себе это устроил?

— Ага... Вчера не спалось. Ну я... — Лу Синъянь обрубил фразу на полуслове — нарочно. Пусть братец сам додумает, какой тут намёк. Глаза — сплошная невинность.

— Ты занят? — вдруг выдал он и чуть подался вперёд. — Можно я с тобой поговорю?

— О чём? — Цзян Цзи прекрасно всё понимал. Но пусть выкручивается.

Лу Синъянь понизил голос.

— Я подумал... Вчерашнее — это я виноват.

...И вот в такие моменты Цзян Цзи сам не понимал, почему его так и подмывало рассмеяться при одном только этом тоне.

Если уж говорить о юморе, то Ли Лин мог бы выдать сотню тухлых анекдотов — и всё равно Лу Синъянь уделал бы его одной фразой. Ну талант, что поделаешь.

Цзян Цзи подошёл ближе, облокотился о косяк. Лу Синъянь весь день дома гонял этот монолог по кругу и теперь выдал заученный текст без единой запинки:

— Поцелуй — это же обоюдный процесс. Ты ничего не почувствовал — значит, я виноват. Видимо, стоял как пень и испортил тебе весь экспириенс.

Цзян Цзи кивнул, будто всё понял:

— Ну и?

Лу Синъянь выжал трагедию на бис, голосом обиженной наложницы:

— Так вот... Можно мне шанс на пересдачу? Клянусь, если ты дашь мне шанс, я буду стараться, обслужу братика так, что тебя точно зацепит!

Цзян Цзи молча застыл.

<http://bllate.org/book/12484/1111996>